

КОНСТАНТИН МАТРОСОВ

4,5
ТОВАРИЩА

Константин Матросов

4,5 товарища

«Издательские решения»

Матросов К.

4,5 товарища / К. Матросов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902271-4

Педагог — уважаемая профессия. Эта история про мечтателей, которые подались в учителя не из-за денег, а по личным мотивам. 4,5 молодого учёного решили посвятить свою жизнь школе, и каждый из них планирует получить от профессии «учитель» что-то взамен. Но в каждом талантливом человеке таится искорка безумия, и, когда они собираются вместе, начинается настоящий пожар, справиться с которым не может ни полиция, ни бандиты, ни здравый смысл.

ISBN 978-5-44-902271-4

© Матросов К.
© Издательские решения

4,5 товарища

Константин Матросов

«Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, – он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он – совершенный учитель»

Толстой Л. Н.

© Константин Матросов, 2018

ISBN 978-5-4490-2271-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

За последние годы на нашу страну обрушилось множество испытаний: падение цен на нефть, рост курса валют, террористические угрозы, неурожай арбузов в Астраханской области, а также, снижение среднего балла по ЕГЭ на целых три единицы. С последним власти решили не мириться. В срочном порядке чиновники министерства образования образовали закон, по которому максимальный возраст преподавания в государственных среднеобразовательных учреждениях не должен превышать шестидесяти лет.

Пенсионеры и пенсионерки цеплялись за свои места с невиданным для их возраста напором, однако, даже их развитая хватка, тренированная на казённом социалистическом имуществе, оказалась неспособна удержать за ними место.

Под жизнеутверждающим девизом «Дорогу молодым!» молодым дали дорогу. Дорога эта оказалось совсем не из жёлтого кирпича, а, напротив, до ужаса терниста, и порой настолько труднопроходима, что нормальные герои предпочитали идти в обход.

Освободившиеся после пенсионеров места стали вакантны, и шли в комплекте с пониженной зарплатой, урезанным правом голоса и чувством собственной неудовлетворённости. На такую работу шли все те, кто окончил педагогический университет, но так и не смог с дипломом устроиться ни в макдональдс, ни в таксисты, ни в грузчики.

Перспективы на таком месте лежали на ладони – сидеть на своей должности до сорока лет, и, достигнув кризиса среднего возраста, благополучно спиться. Вариант то, что надо. Очень здорово, когда работа действительно может приносить человеку удовольствие. Вакантные места учителей оказались заполнены такими вот мечтателями, которые грезил о том моменте, когда работа станет им в радость.

К сожалению, погружённые в свои мечты, молодые учителя отвлекались от учебного процесса, идя к своей цели семимильными шагами. Те же, кто всё-таки действительно хотел внести в юные головы хоть немного светлой мысли, спотыкались вначале пути о стойкое нежелание юных бездарований чему-либо обучаться. И дело ведь совсем не в том, что с каждым годом, как говорили ещё недавно бывшие учителя, дети становились всё тупее и тупее. Причины лежали на поверхности, а именно в системе образования, которая устарела морально вместе со своими носителями, приблизительно так же, как дискеты три с половиной. Устарела не только сама программа образования, связанная с развитием прогресса, но и в принципе подход к детям, не менявшийся со времён царской России.

План министерства по поднятию уровня среднего образования успешно выполнил первый этап по увольнению пожилых преподавателей. Отчитавшись премьер-министру о том, что двухгодичный план уже исполнен на тридцать три процента, чиновники умыли руки и оста-

вили выполнение финальной незначительной части на головы директоров МОУ, с которых они и будут спрашивать результат. В случае же провала придётся обвинить всех директоров в массовом заговоре, диверсии и подрыве государственного строя.

Первый год эксперимента провалился с оглушительным треском, но паники в управляющих верхах не было. Чего раньше времени суетиться, план то трёхгодичный, авось, чего и изменится? Директора, не будь дураки и дуры, понимали, что в случае провала программы, в первую очередь полетят их головы, а руководство из министерства образования лишь отчитают, и если повезёт, быть может, даже погрозят пальчиком. Требовалось что-то делать, но плана как стабилизировать ситуацию не было. Это вообще относилось к стране в частности на любую непредвиденную ситуацию.

Каждый оказался в своей лодке. Общего рецепта никто не имел, и каждой школе пришлось самой выбирать путь, который поможет им набрать эти проклятые недостающие три балла.

Школа, в которую устроился на работу преподавателем Сергей Анатольевич Вульф, решила набирать на работу не молодых педагогов, но молодых специалистов, которые успели познать горький вкус научного мира изнутри. Расчёт был сделан на то, что если новые учителя и окажутся неспособными найти к детям подход, они всегда смогут натренировать их как биороботов на решение поставленной задачи. Но всё-таки это был запасной вариант. В отличие от своих коллег, директор МОУ №121 Раиса Ивановна Кизяк старалась дать учащимся в своей школе хорошее образование, поэтому на замену ушедшим пожилым преподавателям, им на смену пришла перспективная молодёжь.

Сам Сергей Анатольевич узнал об освободившейся вакансии совершенно случайно. Пятничными вечерами после работы в НИИ при местном государственном университете, он как обычно сидел на кухне со своей сестрой, и за рюмочкой армянского чаю вёл с ней разговоры о жизни и о планах на неё. Его сестра – Светлана Юрьевна, являлась подполковником дорожной полиции и начальником ГИБДД по их городу поселкового типа. В свои тридцать четыре она так многого добилась, но всё равно, каждый пятничный вечер, ей приходилось выслушивать нравоучения от своего сводного двадцатисемилетнего брата. Поначалу, когда их родители только сошлись, они воспринимали друг друга в штыки. Они ведь и правда, были чужие друг другу люди. Для неё, ещё ребёнком, Вульф являлся занозой в заднице. Но со временем, эта заноза начала расти, она стала неотъемлемой частью Светланы, и, в конце концов, эта заноза выросла в прекрасное дерево, которое было готово её защитить от невзгод и косых взглядов, если она споткнётся на своём жизненном пути.

– Послушай меня, Серова, тебе уже тридцать четыре, – между делом решил напомнить Вульф. – Мне кажется, настало твоё время для семейной жизни. Нет, я не говорю, что ты стареешь, что годы утекают, что со временем товар теряет покупательский интерес. Нет, всего этого я говорить не стану. Но вот тот факт, что ты каждую пятницу хлещешь трёхзвёздочный коньяк на кухне своего брата, заставляет меня беспокоиться о твоём будущем.

– Ты же не думаешь, что я сопыюсь? – пытаюсь взглядом найти истину в рюмке, спросила Светлана.

– Нет, я думаю, что я разорюсь. Такие посиделки очень больно бьют по карману. А мне ещё надо где-то найти паровую турбину для своего проекта...

– Чего ты там бормочешь, я не слышу?

– Говорю, что жениха тебе найду за этот год. Надо тебя пристроить куда-то, пока тридцать пять не стукнуло.

– Я сама сейчас тебя стукну! – Серова взяла со стола палку колбасы и замахнулась для сокрушительного удара прямым между глаз брату.

– Но-но-но, попрошу без рук! – остановил запал сестры Вульф, вытянув ладонь вперёд. – Я, между прочим, из самых чистых побуждений!

– Твои побуждения также чисты, как наша речка!

– Вот, зря ты так. Между прочим, в этом году коллеги из лаборатории химического анализа брали пробы из водоёма, и результаты, между прочим, очень даже оптимистичные, уровень загрязнения снизился в два раза!

– И что, там теперь купаться можно?

– Боже упаси! – открестился Сергей Анатольевич. – Но зато вода из этой реки уже не вызывает спонтанные мутации у растений.

– Всё с тобой понятно, – махнула рукой Серова, продолжая уплетать сервелат. – И что, ты правда искать станешь? Из чистых филантропических побуждений?

Светлана сняла со стены шашку, резким взмахом поделила колбасу пополам, и отдала половину братцу.

– Конечно. Да тут и искать то особо ничего не надо. Достаточно найти того, который услышав, что ты подполковник дорожной полиции, не будет просить приковать его наручниками к батарее.

– Наручники – их предел, – с томным вздохом произнесла Светлана Юрьевна. – У меня есть полосатый жезл, так почему-то никому из моих мужчин игры с ним не пришлось по нраву.

– Сестрёнка, это слишком много откровений на сегодня. – Вульф заёрзал на стуле. – Я понятия не имею, зачем начальнику ГИБДД наручники, но теперь я знаю, что они есть. И ещё кое-что, что мне очень хотелось бы забыть.

– Ага, а будешь дальше продолжать издеваться, я тебе такое расскажу о своей личной жизни, ты потом спать ночами не сможешь из-за крутящихся картин в голове – подняла рюмку сестра.

– Понял, понял. Но если всё-таки я оплошаю, отправлю тебя на курсы соблазнения, – поддержал её брат.

Серова расхохоталась.

– Всё-таки любишь ты других учить. Шёл бы в школу, там сейчас такие, как ты, нужны.

И тут Вульфа осенило. Он уже давно хотел уйти из НИИ, так как работа там занимала слишком много времени, которого совсем не оставалось на личный проект. А школа... Школа – это было то, что нужно. Ведь дети – это наше будущее. А также бесплатная рабочая сила, готовая за четвёрку сделать дневную норму грузчика из магазина бытовой техники. А уж стоит ли говорить, на что они готовы за пятёрку...

– Эй, ты чего там задумался? Выглядел так, словно думал о плане по захвату мира.

– Лучше сестрёнка, лучше, – подмигнул Серовой Вульф, – в понедельник я иду устраиваться в школу.

Сергей Анатольевич зашёл в отдел кадров своего НИИ, и, положив на стол заявление об увольнении по собственному желанию, постарался поскорее ретироваться, пока эта новость не разлетелась по всему институту. Он не стал дожидаться положенных двух недель, а просто достал из потаённых запасов заявление, подписанное три года назад его начальником на новогоднем корпоративе. Всё, что оставалось Вульфу, так это поставить нужную дату, и в подходящий момент свалить, желательно, не наведя шороху.

Это, конечно, достойное стремление, хоть и бессмысленное. Новость о том, что от них уходит их самый ценный младший научный сотрудник мгновенно прозвенела в каждом уголке института.

Едва молодой учёный покинул отдел кадров, к нему подбежал маленький лысый мужичок в коричневом клетчатом костюме.

– Сергей Анатольевич, дорогой, что же ты такие поспешные решения принимаешь? Ты ведь молодой, опытный, трудолюбивый и преуспевающий сотрудник. Ну, вот ответь, кому ты нужен там, кроме нас? Да вы же...

– Извольте, Константин Сергеевич, – Вульф жестом прервал собеседника. Я решил внести вклад в отечественную науку на ранних этапах её созидания. Буду в школе преподавать, так сказать, внушать светлым головам мысль о том, что им везде закрыта дорога, кроме нашего местного НИИ, которое единственное готово их принять с распростёртыми объятиями.

– Какая отечественная наука? О чём ты? Глупости то не говори, – непонимающе развёл руками Константин Сергеевич. – В любом случае, это твой выбор. Ты прав, наш НИИ рад любому. Поэтому если надумал вернуться, твоё место будет ждать. Конечно, зарплату мы тебе урежем и увеличим рабочие часы, но знай, всегда есть место, где тебя ждут.

– Я, несомненно, расскажу о вашей щедрости своим будущим ученикам. Если после услышанного они до сих пор будут рваться поступать к вам, то это первый признак того, что у ребёнка серьёзные проблемы с развитием.

– Это хорошо, – обрадовался старичок, – нам нужны горячие головы! Удачи там, на новом месте, не дай этим мелким засранцам высосать из тебя всю душу.

– И вам всего лучшего, Константин Сергеевич. Не переживайте, наш НИИ позаботился об этом. Благодаря ему, они останутся голодными.

Вульф попрощался со своим бывшим начальником, и пока его не выцепили уже бывшие коллеги, в три прыжка залетел в закрывающийся лифт и спустился к парковке, где его ожидала старенькая тёмно-зелёная девятка, которую он выиграл карты у одного из коллег по НИИ.

Бросив прощальный взгляд на институт, не в силах скрыть радость, физик отправился домой, собирать документы для трудоустройства.

Отрубив себе все пути к отступлению, Вульф отправился искать работу в школе. В какую возьмут, в такую возьмут. А начать он решил с той, которая была ближе к дому.

Первое собеседование Вульф собрался пройти в гимназии сразу напротив своего дома. Несмотря на тот факт, что Сергей Анатольевич жил далеко не в самом престижном районе их город, заведение это считалось элитным. В нём учились в основном дети обеспеченных людей, которым хватает денег на все свои нужды, а также на образование чада, но не хватает на то, чтобы переехать в другую страну. Или хотя бы город. Ну, или район.

Это гимназия была выбрана неспроста. Глаз Вульфа пал на неё не потому что она считалась элитной, совсем нет. Просто нет ничего прекраснее, когда тебя, и место работы разделяет две минуты ходьбы пешком, а это – два дополнительных часа нормальной жизни в день, а то, быть может, даже сна.

Вульф копался в своей папке с документами, и набирал все виды возможных бумажек, которые ему могут понадобиться на собеседовании: он взял паспорт, трудовую книжку, страховой полис, справку с последнего медицинского обследования, которое ему щедро предоставило НИИ, выписку из банка о наличии на его счету некоторых средств, справку об отсутствии судимостей, грамоту рыбакова-любителя, а также несколько фотокарточек из детства, юности, и уже текущего зрелого возраста, на случай, если потребуется сделать коллаж из своих фотографий.

Собрав всё необходимое, Вульф положил всё это в папку, а папку убрал в рюкзак. Достав свой костюм тройку, которые он надевал только на различные приёмы да походы в театр, он перевесил его в другую сторону, чтобы достать чистую глаженую рубашку, которую он всегда имел в запасе – на всякий случай.

Надев синюю клетчатую рубашку и обычные свои ежедневные синие джинсы, Вульф обул белые беговые кроссовки, взял рюкзак, и бросил на себя оценивающий взгляд в зеркало. Он попытался зачесать рукой непослушные волосы, но через пару минут бросил это бесполезное занятие – на короткой причёске почти и незаметно.

Дорога до гимназии заняла действительно две минуты, и мысль о том, что он будет неторопливым шагом идти на работу, вместо двухчасового стояния в пробках в обе стороны, грела Сергею Анатольевичу душу.

И точно также, тихой поступью, не торопясь, Вульф вошёл внутрь. Тем не менее, в школу он не попал. Ему преградила дорогу уже пожилая женщина-охранник, чьи волосы были выкрашены в бледно фиолетовый цвет жвачки.

– Молодой человек, вы куда? Школа закрыта, летние каникулы.

– Я к директору, – ответил Вульф, с приветливой улыбкой на лице.

– К Николаю Степановичу? – настороженно спросила женщина. – Вам назначено?

– Меня там ждут, – честно ответил Сергей Анатольевич, в надежде, что где-то там, кто-то его действительно ждёт с распростёртыми объятиями.

Женщина прищурилась, но, тем не менее, пустила Вульфа за порог. Но не внутрь школы.

– Пройдите за ширму, раздевайтесь, личные вещи приготовьте к досмотру.

– В смысле раздевайтесь? – ошарашено переспросил физик, не ожидавший такого тщательного фейсконтроля в школе. – Я не могу вот так сразу...

– А, ну это ничего, я могу включить музыку.

Охранник и правда включила радиоприёмник, который был настроен на частоту «Блатняк FM». Песня, игравшая по радио, оказалась Вульфу не знакома, но он уловил, что там поётся про настоящую мужскую любовь, которая возможна только между заключёнными в тюрьме.

– Какая красивая песня, – заключил Вульф, – мне вообще нравятся песни о любви. Но я всё равно отказываюсь раздеваться перед вами.

– Если вы будете упорствовать, я приду к выводу, что вы что-то скрываете, и тогда мне придётся проводить личный досмотр.

Женщина помахала у Вульфа перед носом парой резиновых медицинских перчаток, и, сложив дважды два, Сергей Анатольевич зашёл за ширму и принялся снимать одежду. Процесс шёл неуверенно и робко, из-за маячившей за ширмой охранника, но всё же, медленно, но продвигался. Каждый снятый с себя элемент гардероба, Вульф передавал своей смотрительнице на детальное изучение. Наконец оставшись лишь в трусах и носках, Вульф выглянул из-за ширмы и поинтересовался у женщины:

– А нижнее бельё снимать?

Повисла тишина. По лицу надзирательницы было видно, что она пребывает в тяжёлых раздумьях. Прошло около полминуты, прежде чем она ответила:

– Нет, можете одеваться.

– Но ведь там самое интересное, – иронично шепнул Вульф сам себе.

– Вы что-то сказали? – переспросила охранник, зачем-то прищурившись.

– Нет-нет, ничего, – энергично замотал головой Вульф, и в ускоренном режиме нацепил на себя всё, что было на нём две минуты назад.

Сергей Анатольевич вышел из-за ширмы, а охранник уже держала в руках его рюкзак.

– Приступаем к фазе номер два, – рапортовала она, и под молчаливый протест начинающего учителя, растянула его рюкзак.

Тем не менее, ничего интересного для себя женщина не обнаружила, кроме, пожалуй, детских фотографий Сергея Анатольевича. Она сидела и тщательно рассматривала их, а узнав, что Вульф физик, и пришёл устраиваться учителем, сказала, что ещё в детстве по его лицу

было понятно, что он станет физиком. Молодой учитель не знал, являлось это комплиментом или оскорблением, но на всякий случай поблагодарил стражницу порядка.

Получив свой рюкзак обратно, Сергей Анатольевич поинтересовался, где находится кабинет директора. Закрыв входную дверь, охранник приказала Вульффу следовать за ней.

Пока они шли к кабинету директора, физик успевал оглядываться по сторонам, попутно убеждаясь, что он определённо хотел бы здесь работать. Изнутри школа была отделана по высшему разряду. Например, около входа стояли деревянные лавочки из цельного бруса, которые были расписаны не ручками или карандашами, а дорогими фломастерами. Наклейки на стенах в укромных уголках были коллекционными. Всё остальное, вроде полов, стен, перил и прочих вещей тоже бросалось в глаза, но это мелочи.

Наконец, охранник проводила Вульфу к кабинету директора. Найти путь к кабинету не составило труда. Не смотря на то, что на стенах не было нарисовано стрелочек, путь до цели был выстелен лепестками роз. С такой подсказкой дорогу бы Сергей Анатольевич смог бы и самостоятельно найти.

Эскорт, состоящий из одного человека, не намеревался покидать Вульфу до тех пор, пока конвоируемый не войдёт в область ответственности непосредственно руководящего состава.

Поймав на себе грозный взгляд своей надсмотрщицы, и сделав три коротких вдоха, три глубоких, и снова три коротких, Вульф стал надеяться на лучшее. В идеале, конечно, чтобы совершенно случайно, в этой школе освободилась кандидатура преподавателя физики, и совершенной случайно, Сергей Анатольевич ей соответствовал.

Вульф постучался в дверь, и, дождавшись разрешения, вошёл внутрь, оставляя за собой, женщину-поводыря.

– Здравствуйте, я хотел бы устроиться в вашу школу преподавателем физики, – начал Вульф издалека, насколько смог.

За столом, сошедшим, словно со страниц учебника истории императорской России, сидел пожилой мужчина с залысинами, в коричневом клетчатом костюме, и зачёсанной набок чёлкой. Он внимательно смотрел на Вульфу, пытаясь переварить случившееся. Наверняка он не ожидал подобной наглости, что учитель, вместо того, чтобы искать вакансию и идти в отдел кадров, пойдёт сразу к нему.

– Невероятно, – вымолвил мужчина, и ударил кончиками кистей по краю стола. – Я просто не могу поверить в это!

– Да, я понимаю, это всё так неожиданно... – начал оправдываться Сергей Анатольевич, переминаясь с ноги на ногу.

– Неожиданно?! – переспросил директор. – Да это просто феноменально!

Николай Степанович встал из-за стола, и медленными шагами приблизился к Вульффу.

– Нет слов! – заключил мужчина и довольно хлопнул в ладоши. – Я только десять минут назад разместил на сайте вакансию преподавателя физики, и, вуаля, вот вы здесь! Воистину, цифровые технологии – вершина развития цивилизации!

– Это ещё что, – вжился в роль Сергей Анатольевич, прекратив свои ужимки, – если бы меня не задержали, я бы через пару минут был бы уже у вас в кабинете. Мне как раз до школы ровно две минуты пешком идти. Если бы не ваша охранник на входе...

– О чём вы? – с неподдельным удивлением спросил Николай Степанович. У нас, разумеется, есть охранник, и сейчас в отпуске, летние каникулы же. Во многих школах проходит практика, но у нас хватает финансирования нанимать работников.

– О-о-о, – Вульфу передёрнуло.

– В любом случае, это просто подарок судьбы, что вы явились к нам. Мы как раз лишились преподавателя по физике. Как вас зовут, кстати?

– Сергей Анатольевич. Я соболезную вам.

– Николай Степанович, очень приятно. Это действительно печально, от нас уходят самые лучшие. Декрет не щадит никого.

– Так ваш бывший преподаватель в декрете?

– Представляет, так и есть. Ещё в воскресенье в школе гуляли свадьбу, а вот сегодня с утра выясняется, что Наталья Вадимовна беременна. И это в её-то сорок восемь!

– Они с мужем должны быть счастливы, – попыток Вульф. – Ребёнок в таком-то возрасте! Наверняка он желанный!

– О чём и речь, в таком то возрасте... Видите ли, наша преподавательница закрутила роман с нашим учеником. Не подумайте, ничего такого, всё по любви. Не смотря на то, что они учитель и ученик, в уставе нашей школы нигде не написано, что преподаватель не может иметь роман с учеником, если тот достиг возраста согласия.

На этих словах Вульф приободрился, эта школа ему нравилась всё больше и больше. Иногда всё-таки из ниоткуда возникают мечты иметь в сорок лет шестнадцатилетнюю жену, когда появляется такая возможность.

– Не смотря на то, что некоторые были против такой пары, отец ученика сказал, что доверяет выбору своего сына, тем более что в этой женщине он уверен. Она как раз вела у него физику в школе двадцать пять лет назад. В конечном счёте, свадьбу провели здесь, в школе, такого было пожелания невесты.

– А, так вот откуда лепестки роз, разбросанные по полу, и ведущие к вашему кабинету, – догадался Сергей Анатольевич.

– Да нет, – пожал плечами Николай Степанович, – просто лепестки роз служат проводником для положительной энергии снаружи здания.

– Точно, – кивнул головой Вульф, – главное, не говорите другим физикам этого.

Николай Степанович усмехнулся.

– Знаете, вы мне напоминаете одного человека. Ещё давным-давно, вы тогда, наверное, ещё даже под стол пешком не ходили, я работал в НИИ нашего университета. И была там одна персона... Физик, по образованию, между прочим, я-то сам биолог. Такие разные люди, такие разные интересы, и всё-таки, мы были вместе, и это было невероятное время. Но потом мы поссорились, я психанул, уволился из НИИ, с тех пор не знаю, где моя бывшая любовь. Знаете, вы похожи на мою вторую половинку, напоминаете мне о молодости...

– Так я сам в НИИ работал, вот, буквально до сегодняшнего дня. Вы скажите, о ком речь ведёте, я вам поведаю, знаю кого. Может, ваша любовь всё ещё работает там и ждёт вас!

– Правда? – неуверенно спросил директор, смахнув нахлынувшие от воспоминаний слёзы. – Тогда, быть может, вы знаете Федотова?

– Константина Сергеевича? Конечно, знаю, он бывший мой начальник, только, причём он здесь?

Глаза Николая Степанович заблестели, и он спрятал их от Вульфа, прикрыв лицо ладонью.

– Что с вами? Что вас так расстроило. Неужели...

Николай Степанович уселся в угол, обхватив колени руками. Слёзы ручьём текли у него из глаз, сопровождаясь печальными всхлипами.

Вульф медленно подошёл к директору, и, кося взгляд, небрежно потрепал его за плечо.

– Эй, не плачьте, я не могу видеть мужские слёзы. Мне тоже хочется плакать, когда я вижу слёзы других мужчин. Вы же понимаете, куда я клоню? Замкнутый круг! Я вижу свои слёзы и мне охота плакать ещё сильнее! В итоге всё длится до тех пор, пока мне не брызнут в глаза перцовым баллончиком.

Стенания мужчины не прекращались, а даже наоборот, усугубились, как только он увидел наворачивающиеся слёзы на глазах у Вульфа.

– Да успокойтесь вы! – Вульф зарядил пощёчину Николаю Степановичу, держа себя в руках из последних сил. – Быть может, это шанс вернуть всё как было! А мне, ну так, между делом, начать работать у вас, – к слову добавил Сергей Анатольевич.

Директор вроде успокоился, и, вытерев слёзы тыльной стороной ладони, встал, отряхнулся, и сел на своё рабочее место.

– Я, как только вас увидел, сразу вспомнил о нём. Вы вылитая копия его, – разоткровенничался Николай Степанович, вытирая платком опухшие глаза. – Ах, и как же прекрасно он играл на фортепиано! Он был словно человек оркестр, одновременно играя на фортепиано и на моих струнах души.

– Вообще ничего общего, – отрицательно закачал головой Вульф, – мне вообще медведь на ухо наступил. Это конечно совершенно не значит, что я не могу играть на фортепиано. Могу. Но зачастую не в такт, да и другим не нравится. Хотя, на вкус и цвет. И всё же, бросьте, он сейчас седой уже, справный, живот не даст соврать, облысел уже почти весь.

– А раньше был как вы! – снова расчувствовался директор, но Вульф остановил его движением руки.

– Что значит как я? Вы же не имеете в виду, что в возрасте я стану как Константин Сергеевич?

– Никуда от этого не деться, – развёл руками Николай Степанович. – Старость... Никуда от неё не деться. Она, как пищевое отравление, обязательно тебя настигнет, когда ты этого меньше всего ожидаешь. А гены... Бессердечные сволочи... Собственно, как Игорь Алексеевич, тоже с нами в НИИ работал. Редкостная скотина...

В ногах у Вульфа появилась слабость. Он схватился за голову, и обессилено рухнул в угол, который минуту назад оккупировал расстроившийся директор.

– Я не хочу становиться лысым...

Истерика Вульфа отличалась от той, в которой ещё недавно прибывал Николай Степанович – полное отчаяние. Он сидел в углу, обхватив себя за плечи, и покачивался вперёд-назад.

Горе директора было несопоставимо с горем Сергея Анатольевича, по крайней мере, так считал сам физик. Николай Степанович, встал, подошёл к Вульфу, и принялся его утешать.

– Успокойтесь, успокойтесь, это всего лишь слова. Тем более, сейчас отлично проводят пересадку волос! – директор небрежно похлопал Вульфу по плечу.

– Правда? – с надеждой спросил физик, потихоньку выходя из ступора.

– Разумеется! – обнадеживающе ответил директор. – Видите вот эти вот шикарные локоны? – директор закатал рукава и показал Сергею Анатольевичу предплечья. – Пересадили с головы.

Вульф сделал несколько глубоких вдохов, после чего, наконец, смог успокоиться.

– Знаете, у меня практически нет слабостей, я имею в виду, мало что может меня выбить из колеи, но это... Вы неосознанно прямо попали в мою ахиллесову пятую.

– Я вас понимаю, если честно, – Николай Степанович вновь вернулся за свой стол, – я однажды вытащил ребёнка из огня, так что мои волосяные фолликулы на руках обгорели. Вместе с кожей разумеется. А теперь, – Николай Степанович вновь захвастался своими роскошными волосами, вертя их перед физиком – давайте всё-таки вернёмся к обсуждению вашей кандидатуры, присаживайтесь

– Разумеется, – Вульф окончательно успокоился, встал из угла, и сел на стул напротив директора.

– Что касается того факта, что вы работали в нашем НИИ, да ещё и с Константином Сергеевичем, лишь означает, что вы очень талантливый и сильный молодой человек, который готов трудиться над решением сложных задач, почти за идею. К сожалению, это является и причиной, по которой взять я вас не могу. Видите ли... – директор замялся, – каждый раз, когда я буду видеть вас, будет мне напоминать о том времени, когда, когда...

На глазах Николая Степановича вновь навернулись слёзы. Вульф размял правое плечо и замахнулся вновь для приводящего в себя удара, но, похоже, этого оказалось достаточно, и директор смог снова взять себя в руки.

– В общем, это не из-за вас, а из-за меня, соболезную, что так произошло. Но вы не расстраивайтесь! Я дам вам рекомендацию в соседней школе, они тоже как раз нуждаются в преподавателе. Директор там может быть и старой закалки, и у неё есть некоторые стереотипы, но это ничего. Я сделаю звонок, и попрошу назначить вам собеседование. Когда вы хотите? Сегодня? У вас как раз целый день впереди ещё!

Сергей Анатольевич сидел молча, и лишь иногда кивал головой. Когда директор закончил свою речь, физик кивнул ещё три раза, после чего задумался над ответом на заданный вопрос.

– Нет, – отрицательно покачал головой Сергей Анатольевич, – давайте завтра. Я конечно крепкий орешек, но боюсь, если те мысли, которые вы мне внушили, придут ко мне в голову прямо на собеседовании, всё закончится не слишком хорошо, и не уверен, что для меня найдётся угол.

– Не надо волноваться, – добродушно улыбнулся Николай Степанович, – развеетесь и забудете о том, что я вам сказал. На время...

– Так и быть, но значит, мне придётся это сделать сегодня.

– Как пожелаете, – согласился директор. – Не волнуйтесь, я сейчас же позвоню Инессе Павловне и сообщу ей о вас.

– А это которая школа? – решил уточнить Вульф.

– Сто сорок восьмая. Конечно, она не такая современная, как наша, но мы, всё же, сотрудничаем, и иногда, проводим совместные занятия и семинары. В эти трудные времена мы должны держаться вместе!

– Понятно, понятно... Хорошо, тогда я пошёл, надеюсь, завтра я о себе ничего нового не узнаю, – Вульф встал со стула и пошёл к выходу.

– Ещё раз простите, что так произошло, – бросил ему в спину директор.

Сергей Анатольевич остановился около двери, и повернулся к нему спиной:

– А на вашем месте, я бы связался с Константином Сергеевичем, мало ли что. Всего доброго.

Перешагнув порог, Вульф облокотился на стену и глубоко выдохнул.

– Любовь... Что тут поделаешь?

Достав из кармана джинсов телефон, физик позвонил своей сестре, которая стояла у него под номером один быстрого набора.

– Эй, сестрица, как дела? Что делаешь?

– Ты не поверишь, работаю, – раздался из трубки ворчливый голос Светланы Юрьевны. – Ничего, скоро и ты узнаешь, что это такое.

– Вот чего ты разворчалась? Ведёшь себя как старая бабка.

– Ещё одно упоминание о возрасте, и я перестану тебя кормить, когда ты будешь у меня в гостях. Ещё и полбу ка-а-ак дам тебе!

– Полегче, не надо угрожать! Мне просто сегодня сообщили неприятную новость, и мне нужен человек, который поможет мне пережить это горе.

– Что случилось, тебя на работу не взяли? Ты поэтому так расстроен?

– Не взяли, но нет, не поэтому. Дома всё объясню. Заваливайся после работы ко мне. И да, купи чего-нибудь трёхзвёздочного. Можешь, конечно, принести плакат с поясом Ориона, но я бы всё-таки предпочёл коньяк.

Вульф отправился домой. Остаток дня он проспал, готовясь к ночным посиделкам. Конечно, это было нечестно, учитывая, что его сестра придёт сразу после работы, но на то

она и офицер полиции, что должна нести все тяготы, которые выпадают не только на службе, но и в повседневной жизни.

На улице уже начало темнеть, когда Светлана Юрьевна удосужилась появиться.

– Ну что там у тебя стряслось братец? – начала она с порога, как только Вульф открыл дверь.

– И тебе привет. Разувайся и проходи. Я не могу об этом говорить вот так, с нахрапу.

– Погоди, что то и правда столь серьёзное? – обеспокоенно спросила Светлана Юрьевна, снимая свой плащ.

– Ты даже не представляешь, – искренне ответил Вульф, – ты даже не представляешь...

Зычный гогот товарища подполковника разлетался по полупустой квартире Вульфа. На мгновение казалось, что Светлана Юрьевна успокаивается, но потом выяснялось, что затишье было лишь только потому, что без воздуха не могут жить даже самые стойкие офицеры полиции.

– Хватит ржать, Серова! – раздражённо скомандовал Сергей Анатольевич. – Это тебе не шутки! Я тебе душу излил, а ты?!

Внятного ответа не последовало, лишь залиvistый смех, переходящий во всхлипывание.

– Кто бы знал, что единственное, чего боится мой брат – это облысение! – заключила сестра, вытирая слёзы с краешков глаз.

– Не единственное, – заметил её младший брат, – ещё я боюсь аневризмы и пранкеров.

– Это не самые типичные поводы для паники, – скептически заметила товарищ подполковник, стараясь вновь не сорваться на хохот. – Последует ли какое-нибудь разумное объяснение, или всё точно так же, как с твоими научными исследованиями – просто порыв?

– Всё очевидно, – недовольно отозвался Вульф, – я, если честно, в шоке, что единственный, кто осознаёт всю их опасность – я.

– И в чём же их опасность, ну-ка, просвети нас, неучей.

– Хорошо. Вот представь, живёшь ты себе, живёшь, никого не трогаешь, а потом...

– Что потом? – заинтересованно спросила Светлана Юрьевна, пододвигаясь к брату поближе.

– Бам! – резко выкрикнул Вульф, вздымая руки к солнцу.

Серова он неожиданности подалась назад, и чуть не рухнула со стула. Чтобы не упасть, она попыталась ухватиться за что-то, рука её сразу нащупала лимон на столе. Вернув себя в исходное положение, размахивая руками, она заодно кинула лимон в своего брата. Двух зайцев одним махом.

– Вот-вот, то, что надо, – Сергей Анатольевич перехватил лимон, держа его прямо перед носом. – Бам, и смерть! Ну, или овощем станешь, лицо у тебя будет вот такое.

Вульф впился зубами в жёлтый фрукт, и спустя мгновение корчился в неподдельном отвращении.

– Вот приблизительно так выглядеть будешь, после удара, – сказал физик, периодически подёргиваясь от кислых воспоминаний.

– Обещай мне, что не скончаешься от аневризмы, – попросила Светлана Юрьевна брата. – При мне, разумеется, я имею в виду. Твоё лицо было ужасно. Нет, я, конечно, понимаю, что после смерти мышцы расслабляются. Но я не хочу запомнить тебя таким! А вдруг они не расслабятся? А если ты скончаешься дома, например, когда никого не будет рядом? Нет, хорошо, конечно, если тебя обнаружат в ближайшие сутки, это нормально. А если на следующие? Через двадцать четыре часа начинается трупное окоченение, и твои мышцы останутся так, как они

были в момент смерти, быть может, в этой ужасной гримасе. Ну а если позже? Когда тело начнёт разлагаться? Ты мало того, что будешь выглядеть ужасно, ты и пахнуть будешь соответственно.

– Я никогда не думал об этом, – обеспокоенно заговорил Вульф.

– Стоило бы, мало ли что.

– Всё-таки, ты злая – подтвердил свои опасения Сергей Анатольевич.

– Ага, – согласилась Светлана Юрьевна, – давай выпьем.

– Тогда за то, чтобы ни у кого из нас не было аневризм, – искренне произнёс тост Вульф.

– За это, я, пожалуй, выпью, – согласилась Серова, и они с братом обменялись лёгким ударом рюмок. – Не часто ты говоришь такие поистине прекрасные тосты.

– У меня бывают периоды, – скромно согласился физик.

Светлана Юрьевна почесала в затылке.

– Хорошо, ладно, мы выяснили с аневризмой. Возможно даже, я смогу это принять. Но что насчёт пранкеров? Это же те ребята, которые устраивают розыгрыши, так ведь? Обыкновенные клоуны, что с них взять.

– Нет-нет-нет-нет-нет, это ни шутники, и уж тем более ни клоуны! – запротестовал физик, с неподдельным отвращением в глазах. – Не смей ставить этих подонков в один ряд с такими известными клоунами, как Юрий Никулин и Владимир Жириновский!

– Что, что они тебе такого сделали?

– Ох, сестрёнка, вижу, ты совсем ничего не знаешь об этих криминальных отбросах общества? – огорчённо отозвался Вульф. – Как жаль, что прошли те времена, когда шутников за плохую шутку забивали камнями...

– Ты мне сейчас Коран цитируешь, или что? – не понимая, куда ведёт её брат, поинтересовалась Светлана Юрьевна.

– Не в этом дело. Ты понимаешь, что сейчас нарушился баланс в мире, иные люди получили власть. Вот ты, скажем. Если ты, к примеру, совершишь какое-то мелкое правонарушение, или сделаешь что-то общественно неприемлемое, то ты можешь просто показать своё удостоверение подполковника дорожной полиции и всё – тебя отпустят! Разумеется, я не осуждаю тебя, – принялся оправдываться Вульф, – ты к этому долго шла, один чёрт знает. Сколько ты трудилась, чтобы достичь этой возможности.

– Я вообще-то не поэтому пошла работать в правоохранительные органы, – недовольная тем, куда клонит Вульф, влезла в монолог Серова.

– Хорошо, допустим, я тебе верю, – продолжил Сергей Анатольевич, – но суть не в этом, а в том, что такая возможность не даётся просто так. Ты упорно трудилась, чтобы получить такой шанс. А здесь же, эти упыри, могут купить себе камеру, запилить канал на ютьюбе и всё – у них больше прав, чем у подполковника милиции! Может они даже ближе к агенту ноль-ноль-семь. Они могут творить любой беспредел, и в конце закричать «Это пранк! Это пранк!», и никто их не будет трогать! Я даже практически уверен, что они могут убить человека, и им может сойти это с рук. Вот ты Серова, можешь убить человека, чтобы тебе это сошло с рук?

– Ну, теоретически... – товарищ подполковник вдалась в размышления.

– Это неважно, – прервал её думу Вульф, – главное, что им даже не надо хоть как-то напрягаться, чтобы выйти сухими из воды.

– Я поняла, почему ты их так ненавидишь, – пытаюсь уловить логику брата, сказала Светлана Юрьевна. – Но боишься то почему?

– Как, ты всё ещё поняла? Хорошо, вот представь, идёт по улице человек в своей новой модной шляпе. Идёт тихо, мирно, никого не трогает, читает журнал «Наука» на ходу. В общем, обычный интеллигент. Навстречу ему идёт парень, хватает его шляпу и начинает убегать. Наш культурный человек очень расстраивается, что у него забрали его прекрасную шляпу, и он бежит за обидчиком. По какому-то невероятному стечению обстоятельств оказывается, что этот высокоинтеллектуальный человек, который мгновение назад читал журнал «Наука»,

имеет учёную степень доктора наук, а в школе и в университете занимался лёгкой атлетикой и получил мастера спорта по бегу на спринтерские дистанции. Он догоняет своего обидчика, валит его на землю и начинает пинать ногами. Нарушитель общественного спокойствия кричит «Это пранк! Это пранк!», но человек слишком раздосадован тем, что его совершенно новая кожаная шляпа сейчас валяется на асфальте.

– Так, мне уже стоит волноваться?

– Нет, – отрицательно покачал головой Вульф, – все лица вымышленные. – К тому же, абсолютно никакого сходства со мной! Смотри, главный герой моего абсолютного вымышленного рассказа мастер спорта по лёгкой атлетике, когда я всего лишь кандидат в мастера спорта. Да к тому же, он ещё и доктор наук, на целую ступень меня выше! Да и постарше он будет, и лысина у него уже на голове...

После последних вырвавшихся слов лицо Сергея Анатольевича посерело.

– Именно поэтому ты вообще-то и начал в школе заниматься лёгкой атлетикой, – подметила Светлана Юрьевна.

– Это не главное, – отмахнулся Вульф, – главное, теперь ты понимаешь, почему я не люблю этих долбанных пранкеров, и почему я не ношу шляпы.

– Не думаю, что всё-таки понимаю, о чём ты, но давай сделаем вид, что я всё поняла, – предложила Серова. – Чего я так не могу понять, так это почему ты так боишься облысеть? Миллионы мужчин, а иногда и женщин, лысеют, и ничего, живут с этим. Чего ты так опасаться?

– Тебя не понять... Никому не понять... Боятся только те люди, которым есть, что терять? Мне есть что терять, например, мою роскошную шевелюру. Короткую, но роскошную. Тебе не понять...

Вульф провел рукой по своим коротко стриженным волосам, демонстрируя сестре свою причёску.

– Класс, – едко произнесла Серова, – запомни этот момент для старости, будешь потом вспоминать.

Сергей Анатольевич снова помрачнел, увидев в своей руке выпавший волосок.

– Началось, – печально обратился он к сестре, протягивая ей раскрытую ладонь.

– Ничего, новый вырастет, – подбодрила его Светлана Юрьевна, похлопав брата плечу. – К тому же, мне кажется, тебе пойдёт бритый череп.

– Ладно, утешай меня, я всё равно успел смириться, – печально заключил физик.

– Кстати, что ещё интересного расскажешь про сегодняшнее интервью? – постаралась сменить тему подполковник. – А то ты мне сегодня только про свои фобии рассказывал, и больше ничего.

– Точно! – оживился молодой учитель, мгновенно забыв про свою проблему. – Совсем тебе забыл рассказать самое главное, можно сказать новость дня! Знаешь, что я узнал сегодня про своего бывшего начальника? Ну, про Константина Сергеевича?

– Нет, что же? Какую-то грязную сплетню?

– Хуже! Мне это рассказал директор школы, куда я устраиваться ходил. Знаешь, что он мне поведал про Константина Сергеевича и себя, когда они по молодости работали в НИИ? Оказывается, по молодости, ничего не могу сказать про сейчас, так вот, по молодости, Константин Сергеевич увлекался, чем бы ты думала?

– Давай уже, не томи.

– Нет, ты угадай!

– Ну-у, бадминтоном?

– Нет же, ты вообще не в том направлении думаешь. Ладно, не буду тебя мучить. Представь себе, Константин Сергеевич, начальник мой, с которым я проработал много лет, скры-

вал от меня, да и не только от меня, но и от всего коллектива, что он, оказывается, играет на фортепиано!

– Не может быть!? И это всё, что ты мне хотел рассказать? Тоже мне, сделал новость, из не пойми чего.

Вульф оскорбился.

– Как ты не понимаешь? Вот представь, работаешь вот так, работаешь с человеком, считаешь, что хорошо знаешь его, а потом выясняется, что он музыкант! Вот скажи, есть у тебя на работе человек, которого ты знаешь хорошо? Твой начальник, например.

– Я есть начальник, если ты забыл, – внесла ясность Серова.

– В общем, представь, что это про меня ты узнала, что я умею играть на фортепиано. Твоя реакция?

– Если честно, то ничего сверхъестественного. Я всегда считала, что в тебе есть что-то от аутиста. В хорошем смысле этого слова разумеется. Скрытые таланты, неординарные способности...

– Знаешь, сестрёнка, всё-таки ты можешь быть милой, когда захочешь. Это очень приятно, что ты считаешь меня таким человеком. Но не забывай, такое мнение у тебя лишь только потому, что мы так давно знакомы.

– Я поняла, поняла. Какие планы у тебя на завтра? Ты же не думаешь, что всё, разок сходил, и свободен?

– Николай Степанович – директор, который меня сегодня отшил, сказал, что замолвит обо мне словечко директору в соседней школе. Посмотрим, что выгорит.

– Я так и не поняла, если честно, почему тебя не приняли...

– Он, конечно, назвал причину, почему, но я ему не верю. Думаю, всё дело в том, что он не хочет смотреть на мою лысую башку через десять лет.

– Ты действительно так уверен, что кому-то кроме тебя действительно есть дело до того, что ты будешь лысеть? Какой-то незнакомый тебе даже человек сказал, что ты облысеешь, и ты поверил ему? Иногда братец ты меня просто поражаешь.

– Света, он не просто человек, он биолог! Это как если бы я тебе сказал, что АЭС в нашем городе рванёт в ближайшее время, ты должна будешь поверить мне!

– Ну и что, рванёт? – скептически спросила Серова.

– Обязательно бахнет, – подтвердил Сергей Анатольевич, – весь город в труху. Но потом. Мы ещё успеем переехать, так что волноваться не стоит.

– Фу-ух, хорошо, ты меня успокоил, – с наигранным облегчением вздохнула Светлана Юрьевна.

– Твоё здоровье, – Вульф поднял рюмку.

– За твои волосы, братец, – согласилась Светлана Юрьевна.

Сергей Анатольевич кивнул, и они выпили не чокаясь.

– Я, наверное, домой поеду, – Серова накинула китель, встала из-за стола и козырнула Вульфу, – у меня такое чувство, что мы ещё завтра с тобой встретимся. Тем более что тебе надо быть в форме перед завтрашним собеседованием.

– Хорошо, я что-то слишком перенервничал сегодня после таких печальных новостей. Надеюсь, завтра всё будет пооптимистичнее.

– Давай тогда закрывай дверь за мной и иди спать. Завтра предстоит тяжёлый день для тебя. Завтра ты ещё много нового про себя узнаешь, как пить дать.

– И тебе доброй ночи, сестрёнка. И тебе доброй ночи.

Благодаря мудрому решению своей сестры, Вульф должен был провести всю ночь в своей постели, вместо того, чтобы сидеть на кухне. Но из-за бессонницы, вызванной тяжкими думами, физик всю ночь провёл возле холодильника, опустошая его запасы. Он так и не сомкнул глаз за ночь, каждый минуту думая лишь о том, как он будет лысеть, и какую причёску ему придётся носить. Стоит ли ему полностью побрить голову? Или лучше отрастить бороду, напялить очки и пытаться действительно сойти за умного человека? Голова всю ночь была полна мыслей, но зато Вульф таки смог окончательно перебороть свою проблему.

Он пришёл к выводу, что переходный вариант был бы неплох. Можно побрить голову и отрастить бороду, в таком случае, если он в будущем сможет перебороть свой страх перед хипстерами, он сможет без лишних переживаний надевать шляпу, и так что, даже если её сорвут, под ней окажется не мерзкая лысина, а прекрасный побритый череп, натёртый маслом.

Настроившись на позитивный лад, Сергей Анатольевич принялся готовиться к очередному собеседованию. Вульф сделал все дела в уборной, позавтракал, почистил зубы и стал собираться. Расчёсываться он не знал, в знак смирения со своей судьбой.

Вульф снял с ручки спальни двери рубашку, в которой был вчера. Гладить её он тоже не стал, ничего, и так сойдёт. Полностью одевшись и собравшись, Сергей Анатольевич отправился на собеседование номер два.

Нечего удивляться, что новую кровь в ряды преподавателей физики принимали с таким энтузиазмом. Редко предоставляется возможность пристроить к себе на работу молодого сотрудника, который уже имеет внушительный опыт в своей области. Физика, это ведь не шутки, преподавать её может не каждый! А уж понимать, да так, чтобы ещё на жизнь себе зарабатывать... И пускай педагогическими навыками кандидат не обладал, его всегда можно было перестроить на тупую зубрежку, превратив детей в вычислительные машины.

Во второй школе встретили Сергея Анатольевича с большим воодушевлением. Охранник, пожилой седоволосый мужчина встретил кандидата на входе. Узнав, куда направляется начинающий преподаватель, провёл его внутрь школы и наказал старшеклассникам, болтающимся на школьной отработке, чтобы они провели гостя к директору. Старшеклассники оказались недовольны тем, что их отвлекали от законного прогуливания школьной практики, но, опасаясь, что охранник развеет их лафу, вмиг привели гостя на второй этаж к кабинету директора.

Физик постучал в дверь, и, дождавись приглашения, вошёл внутрь.

Кабинет директора словно застыл во времени. По бокам кабинета стояли стеллажи, на одном из которых была небольшая библиотека, а на другом стояли многочисленные грамоты, за успехи в образовательной карьере, как Советского Союза, так и Российской Федерации. Сама же госпожа директор сидела за старым лакированным столом, на котором лежали исключительно канцелярские принадлежности, телефон и рабочие бумаги. На стене позади неё висели портреты всех бывших генсеков СССР. Лицо последнего же было перечёркнуто чёрным маркером в знак протеста.

– Здравствуйте, вы должно быть по поводу работы преподавателем? – широко улыбнувшись, поприветствовала Вульфа директор. – Мне уже позвонил охранник и предупредил, что к нам пришла новая кровь. Знаете, всегда приятно таких молодых людей, которые готовы работать на благо нашей Родины. Вижу, что вы коренной русский человек, который готов сделать многое для своей земли. Вас как зовут?

– Сергей Анатольевич, – ответил Вульф, протягивая руку.

Женщина протянула руку в ответ, и по-мужицки сжала ладонь начинающего педагога.

– Присаживайтесь, Сергей Анатольевич. Я – Инесса Павловна Смирнова. Так, кто вы по специальности?

– Физик-ядерщик. Работал в нашем НИИ почти пять лет, но решил переквалифицироваться, ведь учитель – очень благородная профессия.

– Вы знаете, совершенно с вами согласна, – закивала в знак согласия Инесса Павловна. – Полагаю, у нас есть вакансия, так как преподаватель, Иван Семёнович, который был до вас, трагически скончался.

– Какой кошмар. Что с ним случилось?

– Вы представляете, умер во время эксперимента! Показывал ученикам эксперимент о проводимости тока, держался за оголённый провод и стоял на площадке-изоляторе. К нему подошёл ученик и взял его за руку. В итоге обоих ударило током. Мальчик ничего, отделался испугом, а вот у Ивана Семёновича сердце не выдержало. Годы берут своё.

– Как я вас понимаю, – согласился Сергей Анатольевич. – У нас в НИИ тоже случай был. Нам завезли спирт технический, а Игнат Васильевич, наш бывший семидесятипятилетний инженер-физик, отлил себе пол литры, очистил его, ну, чтобы внутрь можно было без опаски заливать, и, как говорится, употребил. Ну, и не выдержала душа поэта. Он поэтом был, кстати. Так вот, не выдержал он, да и пошёл свои чувства изливать своей коллеге Марине Фроловне, они как раз овдовела несколько лет назад. Начал ей стихи рассказывать свои, в любви признаваться, дескать, Марина Фроловна, люблю вас, мочи нет. А она его отвергла, говорит, извини, ничего не могу с собой поделаться, до сих пор люблю своего покойного мужа.

– Ну и что? – поинтересовалась Инесса Павловна? Растерзанное сердце не выдержало?

– Да нет же, машина его сбила на пешеходном переходе, когда он пошёл за закуской, чтобы горе залить.

– Так, а причём тут возраст? – непонимающе спросила директриса.

– Был бы моложе, выпил стакан, и спал бы сном пьяного младенца, ничего бы из случившегося не произошло. Всё-таки, девяносто два градуса, как-никак.

– Да, годы... – задумчиво произнесла, пожилая преподавательница. – Но у вас то, надеюсь, с этим проблем нет?

– Нет, что вы, я знаю, когда надо остановиться, – честно ответил Вульф.

– Вот и славно, – улыбнулась директриса, – а то такими темпами нам через пару месяцев нам не потребуется новый трудовик... Что ж ладно, опыт работы у вас вроде есть, надеюсь, с таким талантом, вы преподавательский навык быстро наработаете. Давайте трудовую книжку, проверю запись по НИИ, и можете идти в отдел кадров, оформляться.

Вульф достал из нагрудного кармана записную книжку и протянул её Инессе Павловне.

Директриса аккуратно приняла книжку из его рук и раскрыла её, но увидев полное имя Сергея Анатольевича, сменилась в лице.

– Вы говорили, что вы чистокровный русский...

– Так и есть, – подтвердил Вульф, – русее не бывает.

– Знаете, а у меня ведь отец воевал, – начала издали директриса.

– Как я вас понимаю. Война – страшная вещь. У меня дед тоже воевал.

– Да и в каких войсках, не помните случаем?

– Да как же не помнить – он наша семейная гордость! У нас в семье даже его медали остались, мы их всем гостям показываем. Так это, подождите... Тридцать шестая гренадёрная дивизия Дирлевангер.

Лицо Инессы Павловны налилось краской, но она, пытаясь сохранять самообладание, ясно и коротко обозначила Вульфу свою мысль.

– Боюсь, мы не сработаемся, попытайте счастье в другом месте, – директор вручила обратно Сергею Анатольевичу его трудовую книжку, и с укором посмотрела в глаза.

Вульф расстроено вздохнул:

– Неужели вам Николай Степанович всё про меня рассказал? Я ведь рассчитывал на его слова, а он...

– Молодой человек, успокойтесь, – обратилась Инесса Павловна к Сергею Анатольевичу. – Ничего он мне не говорил, кроме того, что вы хороший специалист, и работали с одним из самых выдающимся учёных современности.

– Так и есть, – подтвердил Вульф, – а ещё я работал с Константином Сергеевичем – знакомым Николая Степановича.

– Поэтому, Сергей Анатольевич, не расстраивайтесь, я как раз знаю место, где вам будут рады. В соседней школе набирают лучших учителей со всей округе, да, возможно условия для обучения там не очень, но зато, если вы будете успешно справляться со своими обязанностями, не сомневайтесь, зарплата у вас будет тоже щедрая. Я позвоню Раисе Ивановне, местному директору, сообщу ей о вас, полагаю, вас с радостью примут. Когда пойдёте на собеседование, сегодня?

– Нет, – Вульф покачал головой, – давайте завтра часов в десять. – Мне предстоит обдумать много вещей.

Вульф попрощался с директором и покинул кабинет. Он стоял напротив закрывшейся дверью и удивлённо хлопал глазами.

– Ничего не понимаю, – раздосадовано пожаловался Вульф сам себе вслух, – неужели людям действительно настолько важно, что им придётся работать с человеком, который облысеет?! Интересно, что-нибудь изменится, если я расскажу о своём решении?

Сергей Анатольевич приоткрыл дверь, просунул в разъём в голову и поинтересовался у Инессы Павловны?

– Просто хотел уточнить, это что-нибудь изменит, если вы узнаете, что я уже придумал, как решить проблему между нами?

Инесса Павловна удивлённо приподняла бровь:

– Я слушаю вас.

Вульф прочистил горло и начал излагать свою программу на ближайшее будущее:

– В общем, слушайте. Если всё сложится совсем удачно, то я пересажу волосы себе на голову. Ничего страшного, стандартная процедура, Николай Степанович сказал, что технологии сейчас очень хороши. Если же, я повторюсь, если же что-то пойдёт не так, то я обязуюсь брить голову. Уверяю вас, не будет этих мерзких залысин, на которые аж неприятно смотреть, будет прекрасный блестящий черепа, который будет привлекать взгляд и радовать глаз...

– Стоп-стоп-стоп, – перебила его Инесса Павловна, – о чём вы вообще?

– В смысле? – озадаченно спросил Вульф, – я вам рассказываю свой план, который поможет нам преодолеть трудности, что бы мы смогли работать вместе...

– Нет, Сергей Анатольевич, это всё не то. До свидания.

С тоской в груди Вульф закрыл за собой дверь.

– Странно это всё, – снова заговорил он сам с собой, может быть действительно проблема не в моём облысении? Если вспомнить, мне здесь прописали отворот-поворот сразу после того, как я рассказал историю про своего деда, может с этим что-то не так?

Сергей Анатольевич простоял в мимолётном раздумье, но затем отрицательно помотал головой:

– Да не, бред какой-то, почётная же профессия – шпион, здесь не может быть точек конфликта между нами.

Выйдя из школы, Вульф с тяжёлым сердцем достал телефон и принялся звонить сестре, ища в её не самой трезвой компании, поддержку.

– Мне нужна твоя помощь, – начал Вульф прямо излагать свою просьбу, как только услышал шум на том конце провода.

– Абонент не отвечает или временно не доступен. Пожалуйста, оставьте ваше сообщение после звукового сигнала, – услышал он холодный голос девушки оператора.

– Серова, – если ты думаешь, что я реально на это куплюсь, то ты слишком недооцениваешь интеллект своего родственника. Неужели ты полагаешь, что я забыл, как ты в школе выиграла конкурс пародий? Нет, я понимаю, что ты скрывала в себе этот талант со времён этой своей полицейской академии, но давай не будем забывать, твою самую лучшую пародию на...

– Так, хватит, я поняла, – раздражённо ответила Светлана Юрьевна, – иногда ты бываешь редкостной занозой в заднице.

– Навеивает воспоминания о детстве, – ностальгически протянул Вульф. – Но знаешь, как говорил один еврей... Нет, другой. А, этот не еврей. Нет, Гитлер тоже не был евреем... Да, наверное, этот... Так вот... «В чужой заднице занозу вы видите, а в своей бревна не замечаете...».

– Я очень сильно уверена, что там было как-то не так, – скептически ответила Серова.

– Возможно, – согласился Сергей Анатольевич, – я не очень силён в религиозных чтениях. Но общий смысл я верно передал, полагаю.

– Я поняла. Чего ты хочешь?

– У меня сегодня было очень разочаровывающее интервью, мне нужна поддержка моих самых близких родственников.

– Пить что ли? – устало вздохнула Светлана Юрьевна. – Знаешь, таким макаром наши прекрасные пятничные посиделки потеряют всю свою привлекательность.

– Отчего же, – возразил Вульф, – разве это не чудесно, когда каждый день – пятница! А тем более, самая приятная её часть.

В трубке опять раздался тяжёлый вздох.

– Так и быть, жди меня вечером, подъеду, как освобожусь.

– И я тебя люблю, сестрёнка!

– Я тебе говорю, я реально могу чувствовать их ненависть, когда они узнают о моей лысине, – делился откровениями с сестрой Вульф. – Сегодня, например, я был в сто сорок восьмой школе, и там была эта директор, Инесса Павловна, рассказала мне, что у них как раз физик недавно скончался...

– Какой ужас, – вздохнула Серова.

– Так и есть, – согласился Сергей Анатольевич, – и я решил поддержать диалог...

– Только не говори, что ты рассказывал ей эту историю про Игнатия как-его-там?!

– Конечно, я рассказывал её! Это одна из моих любимых историй! В ней всё прекрасно! Она затрагивает все аспекты человеческой жизни: слабость, любовь, верность. Здесь множество тех вещей, которые женщины так ценят в подобных рассказах, вдобавок, здесь совсем не хэппи-энд, что приносит некий философский смысл в эту историю, а также, мораль.

– Что же она ответила, когда услышала столь прекрасную историю? – с издёвкой на лице спросила Светлана Юрьевна.

– Ну... – неуверенно начал Вульф, почесывая однодневную щетину. – Она спросила, нет ли у меня проблемы с выпивкой. Я честно ей признался, что проблем нет, меру знаю. Хочет человек пить? Пусть пьёт, я ничего против не имею. Конечно, пьяные люди мне неприятны в общении...

– Ха, – хмыкнула Серова, – именно поэтому мы сейчас сидим на кухне, выпиваем коньяк и разговариваем по душам.

– Все верно, – подметил Вульф, – ты выразилась абсолютно правильно. Сидим тихо, мирно, никого не трогаем. Слова друг другу не говорим! Тем более, что такое полбутылки на человека? Не серьёзно же. Разве что по бюджету бьёт, это да... В любом случае у нас проблем с этим нет. Вот что нам следует говорить всем остальным. А ещё, потому что это правда.

– Хорошо, как скажешь. Так, что дальше было?

– Так вот, всё, она уже брала мою трудовую книжку, чтобы проверить все данные, и тут я увидел, как она бросает на меня этот скользкий взгляд исподлобья, и смотрит прямо на мои волосы...

– Мне кажется, ты себя накручиваешь себя.

– Нет-нет, точно тебе говорю! То в книжку, то на меня, то в книжку, то на меня, думала, наверное, что я не замечу. Про войну ещё зачем-то вспоминать начала, про отца своего вспомнила, говорит, герой он у неё. Ты же знаешь, меня хлебом ни корми, дай кем-нибудь похвастаться из своей семьи. Обычно я хвастаюсь тобой.

– Спасибо, – благодарно кивнула Серова.

– Но тут извиняй, такой повод – грех не вспомнить Алексея Вульфа, он же Алекс Вулф – дед мой. всю войну шпионом прошёл, информации слил – на три википедии хватит. Наград море получил. Правда, когда на Родину вернулся, так и не смог нормально устроиться. Двадцать лет потратил на то, чтобы из себя всю эту нацистскую неметчину вытравить – так вжился в роль. Но ничего, говорят, нашёл себя потом на гражданской жизни, иначе, я бы и не появился на свет.

– Ага, – видела фотографии, – подтвердила Светлана Юрьевна. – Ты на него даже похож.

– Правда? – приободрившись, удивился физик. – Я не замечал. Быть может потому, что себя вообще трудно сравнивать с кем-то. Так чем я похож на него? Скулами? Подбородком?

Вульф преобразился в лице.

– Очаровательной улыбкой?

– Не-е, – ехидно подмигнула товарищ подполковник, – у него такая же лысина была, как у тебя.

Серова громко расхохоталась, глядя на насупившуюся физиономию брата.

– Ладно, шучу я, – обратилась Светлана Юрьевна к брату, – нет у тебя никакой лысины. Пока.

– Злая ты, – пробурчал в ответ Вульф, – и как я тебя терплю? Вот захочешь ты пить на смертном одре, и кто тебе попить принесёт? Мужа нет, ребёнка нет, брат вообще лысый!

– Один-один, – Светлана Юрьевна протянула руку брату. Вульф пожал её, кивнув в знак согласия на ничью.

Подполковник посмотрела на часы и демонстративно зевнула.

– Пойду я домой, что ли, а то мне завтра на работу.

– Счастливый ты человек, – ответил Сергей Анатольевич, – так ещё и пистолет есть.

– Ты тоже хочешь пистолет?

– Нет, – отрезал Вульф, – я к огнестрельному оружию не очень отношусь. У меня как физика страдает чувство техники безопасности. Но если сможешь надыбать макет или зажигалку, то тащи ко мне.

– Как скажешь, – пожала плечами Светлана Юрьевна, надевая туфли. – Надеюсь, когда я к тебе завтра приду, мы всё-таки будем отмечать твоё трудоустройство.

– И я надеюсь, – согласился физик, – если же и завтра я не смогу устроиться на работу, значит, профессия учитель не для меня.

– Неужели ты опустишь руки? Что, школ, что ли в городе у нас мало? Кому-то из них точно требуется учитель физики, такой, как ты!

– Возможно. Но тогда мне придётся туда ездить на автомобиле, стоять в пробке, а это уже не так, как я успел себе нафантазировать.

– Так что, просто сдашься?

– Почему же? Нет, просто постараюсь устроиться в эту школу, чего бы мне это ни стоило.

Сергей Анатольевич стоял на пороге своего запасного запасного варианта, и грядущая перспектива не внушала ему доверия. Облицовка здания школы не то чтобы видала лучшие времена, она видала времена намного худшие, тёмные времена, времена страшных кровопролитий, войн и революций. Здание выглядело старо, но, как говорится, по обложке книгу не судят. Единственное, что смущала Вульфа, так это то, что он был уверен, что внутри всё намного хуже.

Не смотря на то, что Инесса Павловна пообещала запомнить словечко за Сергея Анатольевича местному директору, Вульф так и не был уверен, было это обещание, или всё-таки угроза.

Наконец, собравшись с мыслями и силами, Сергей Анатольевич сделал первый неуверенный шаг на школьную лестницу, ведущую к входу. Плитка с лестницы так же неуверенно соскользнула в сторону, неуверенно выводя Сергея Анатольевича из равновесия.

– Очень похоже на фильм, в котором дом не рад гостям, намекая им всяким образом уйти отсюда, пожаловался вслух Вульф. – В конце все умерли. Хотя, все мы умрём когда-то. Кто-то от старости, а кто-то от свихнувшегося дома, населённого древними привидениями, ставшими таинственными жертвами кровавых сталинских репрессией. Ладно, чего терять то?

Преодолев лабиринт из скользящих плиток под ногами, Вульф открыл дверь, прошёл по тёмному коридору, и попал в школьный холл. Как в любой порядочной школе, которой эта школа не являлась, гостя встретил охранник, доброжелательный светловолосый человек, лет сорока пяти, с первыми морщинами на лице.

– Вы куда? – обратился к физику охранник, преграждая вход.

– Устраиваться преподавателем, – ответил Сергей Анатольевич.

– Понятно всё с вами. Оружие, наркотики? – вежливо поинтересовался страж порядка.

– Нет, спасибо, – отрицательно покачал головой Вульф, – у меня с собой.

– Я и покупаю, если что, – заинтересованно добавил охранник, убирая товар со стола.

– Вообще-то, я пошутил. Мы же всё-таки в школе! Всё перечисленное только в свободное от уроков и занятий время.

– И я с вами полностью солидарен! – довольно согласился охранник. – Но сейчас каникулы, школьники как могут, держатся от учебного заведения на расстоянии, поэтому можно не бояться, что эти вещи попадут не в те руки.

– И всё-таки, пожалуйста, уберите всё со стола, а то директор увидит.

– Не увидит, у неё плохое зрение, – оправдывался охранник.

– Всё равно. Не положено. Раз на прилавке лежит товар, значит должны быть ценники и полностью оформлена предпринимательская деятельность. А раз ничего этого нет, то может прийти полиция, и в конечном итоге оштрафовать. Или даже посадить. Поэтому если торговать, то только из-под полы и доверенным людям.

– С кем мне торговать? – разочарованно спросил страж порядка. – Клиентская база небольшая, постоянных покупателей нет.

– Что поделать – пожал плечами Вульф, – вот такое у нас законодательство. Можешь постараться всё-таки завести себе постоянных клиентов до учебного года, ну а потом продавать школьникам ответы к задачам и решебники. Серьёзный бизнес, кроме шуток.

– Хм-м, – задумался охранник, – а что, это идея...

– Но лучше не попадаться на глаза учителям с этим. За оружие и наркотики просто посадят, это ладно. Как-никак, подрыв моральных устоев среди учеников в школе – дело обыденное, но незаметное, тем более что и без школы они отлично справляются с этим сами, благодаря своим родителям, компании и интернету. А вот диверсию в сфере образования учителя вам не простят. Убьют, как пить дать убьют! Особенно жестоким образом. Скажите, а у вас есть террариум в кабинете биологии?

– Есть, – подтвердил охранник, – но пока пустует.

– Вот. А как только выяснится, кто виноват в том, что успеваемость по биологии резко пошла в низ, сразу закупят какую-нибудь ползучую гадючью тварь. Клац-клац, и смерть от яда. Медленная и мучительная.

– Как любопытно, – с интересом сказал страж, – я пообщался с вами всего пару минут, а уже открыл для себя столько нового. Вы действительно прирождённый преподаватель! Кстати, не подскажите, а о какой конкретно породе змей вы вели речь.

– Увы, нет, – печально вздохнул Вульф, – я физик по образованию. У вас разве нет учителя биологии?

– Пока нет, – с облегчением ответил охранник. – Но Раиса Ивановна говорила, что сегодня большой день, много новых лиц должно появиться.

– Вот и я, как раз иду на собеседование, – подтвердил физик. Возможно, кто-то уже приходил до меня?

– Кто-то приходил, а кто-то даже выходил. Надеюсь, новые учителя будут такими же талантливыми, как и вы.

– Погодите записывать меня в учителя, – скептически произнёс Сергей Анатольевич, – я ещё собеседование не проходил.

– О, не переживайте, если не возникнет какого-то форс-мажора, вы пройдёте. Форс-мажор, форс-мажор... Это вы мне это слово подсказали?

– Что вы, что вы, это вы всё сами.

– Ну, надо же! Невероятно! Вы говорите, что это всё я сам, но я знаю, что это ваше влияние! Скорее поднимайтесь на второй этаж, поверните направо, там увидите металлическую дверь, на ней маркером будет написано директор. Вам туда.

– Очень любопытно, – поблагодарил охранника Вульф, – надеюсь, не заблужусь. А где лестница на второй этаж, не подскажите случаем?

– Конечно, выйдите сейчас на улицу, зайдите с левой стороны, там будет лестница, прислонённая к стене, по ней и забирайтесь.

– Ясно... – многозначительно протянул начинающий учитель, – а что с обычной лестницей? С той, которая внутри школы. Она же есть, правда?

– Конечно! – подтвердил охранник. – Но она на ремонте до начала учебного года. Пока пользуемся запасным вариантом. Вообще, спросите лучше директора, я здесь недавно работаю, всех тонкостей не знаю, но говорят, раньше это была одна из лучших школ в городе.

– Так и сделаю, – кивнул Сергей Анатольевич.

Последовав примеру начинающего бизнесмена, Вульф вышел из школы и обошёл её с левой стороны. Охранник не соврал, действительно, к окну второго этажа была прислонена деревянная лестница. Закинув рюкзак на второе плечо, физик принялся взбираться наверх.

Как оказалось, лестница вела в актальный зал, который, как понял Вульф, тоже находился на ремонте. Сергей Анатольевич залез внутрь, и взглядом обнаружив выход из актального зала, направился к ней. Покинув пыльное помещение, Вульф вышел в холл второго этажа. Тревога снова накатила к сердцу Сергея Анатольевича. Хоть внутри здание и не разваливалось, сказать, что ремонт прошёл успешно, тоже нельзя было. Здание было отделано дешёво, видно, что на ремонте сильно сэкономили денег.

Тем не менее, выбирать особо не приходилось. Лавируя между различными стульями, стройматериалами и банками с краской, Вульф прошёл в коридор, в котором заседал руководящий состав школы.

Охранник не обманул, дойдя ровно до середины коридора, Сергей Анатольевич обнаружил оранжевую металлическую дверь, на которой зелёным маркером было написано «Директор» и чуть ниже «Кизяк Раиса Ивановна».

Проведя пару раз по рубашке, пытаюсь разгладить складки на ней, физик удовлетворённо осмотрел себя, и уверенно постучал в дверь кабинета. Дождавшись разрешения на вход, Сергей Анатольевич вошёл внутрь.

Кабинет был практически пуст. Убранство кабинетов двух предыдущих директоров не столь произвело на него моральное влияние, сколь отсутствие чего-либо в этом. Единственное, что присутствовало в кабинете – это небольшой коврик, свёрнутый в углу, две школьные парты, заваленные целыми кипами бумаг, ну и женщина, сидящая за ними.

– Здравствуйте, – поздоровался физик, закрывая за собой металлическую дверь, – я Сергей Анатольевич, вам должны были звонить насчёт меня.

Женщина подняла вверх палец, жестом указывая молодому человеку подождать. Закончив, наконец, что-то писать, она встала из-за стола, обошла две парты и протянула Сергею Анатольевичу руку.

– Раиса Ивановна Кизяк, – представилась она, – присаживайтесь.

Вульф огляделся. Нет, было ровно всё то, что он заметил вначале, ковёр, две парты и директор.

– Но здесь же нет стульев, – верно подметил Сергей Анатольевич.

– Ах, точно, – директор легонько стукнула себя по лбу кончиками пальцев, – я и забыла, что вы у меня в первый раз. В углу стоит коврик, расстелите и садитесь.

Пожав плечами, физик поступил так, как ему посоветовала директор. Он взял из угла коврик, расстелил его напротив парт, и уселся в позе шаолиньского монаха, открывая путь для течения своей энергии ци. Пока Сергей Анатольевич возился с ковром, Раиса Ивановна вновь уселась за работу. Она заранее подняла палец вверх, чтобы Вульф снова подождал, пока она закончит.

Смотреть в кабинете было особо не на что, поэтому в ожидании приёма, Вульф наблюдал, как пожилая темноволосая женщина, лет пятидесяти пяти, небольшого роста, вооружившись письменными принадлежностями, бодро орудует ими.

Наконец, окончив очередной перерыв на работу, Раиса Ивановна вновь обратилась к Вульфу:

– Мне позвонила Инесса Павловна, и сказала, что вы очень неплохой физик, скажите, это так?

– Не совсем, – ответил Вульф, – я отличный физик. Это уже ближе к правде. Неплохой, это чуть лучше, чем плохой, то есть он как бы ни плохой, но и не дотягивает даже до среднего уровня. Я работал с физиками среднего уровня, я работал с выдающимися физиками, и могу сказать, что физик я очень даже хороший.

– Прекрасно, – кивнула Раиса Ивановна, протягивая Вульфу листок – тогда вас не составит труда решить данное уравнение?

Сергей Анатольевич бегом пробежал глазами по надписям на листке, и, не поведя бровью, выдал:

– Так и есть, бахнет, – подтвердил Сергей Анатольевич, – но лет через тридцать. К тому моменту неизвестно, как всё повернётся. Может, уже и закроют реактор, кто знает?

– Как я и думала, – погружённая в раздумья ответила Раиса Ивановна. – Вижу, вы разбираетесь в этом.

– Разумеется, – деловито кивнул Вульф, усаживаясь в уголке поудобнее – ядерная физика одна из областей моих интересов.

– Очень интересно, – оценивающе произнесла директор. – Как это ни странно, но мало кто идёт работать в нашу школу, всех отпугивает внешний вид здания.

– И немудрено, – согласился будущий учитель, – выглядит она плачевно.

– Так чья это вина?! – возмущенно спросила Раиса Ивановна.

– Не знаю, – пожал плечами Вульф, – чья?

– Предыдущего директора! Даже имя не хочу произносить этой сволочи! Разворовал весь бюджет школы и свалил! И всё, пропал он, а Раиса Ивановна теперь сиди, отдувайся!

– А куда свалил? – поинтересовался Сергей Анатольевич.

– Так в тюрьме он, – удивлённо ответила Раиса Ивановна. – Школа же наша, в то время, при старом директоре, потихоньку умирала, но на все вопросы нам говорили, что государство денег не даёт, а проверить, увы, возможности не имелось. Проверки ничего не показывали, никаких нарушений не выявляли, но мы понимали, что что-то не так. Физрук наш, Вадим Денисович, расколол одну из бухгалтерш, она и созналась, что денег на среднее образование выделяют порядочно. Вадим Денисович поделился этой информацией со всем оставшимся коллективом, и мы такой гурьбой завалились к проклятому коррупционеру. Поначалу, он, конечно, упирался, что не причём, что совершенно не понимает, о чём мы, но суд Линча в лице двух разъярённых учительниц по математике и биологии повырывал у него все волосы с его лживой головы, и эта скотина созналась. Дальше прокуратура начала проверку, конфисковала всё имущество. К тому моменту школа уже была в предсмертном состоянии. Растроченные деньги нам обещали возместить, но как скоро это будет – неизвестно. Учителя поуходили со своих должностей в другие школы, почувствовав себя обманутыми. Ученики из многих обеспеченных семей тоже перевелись, как запахло жареным. А ведь наша школа была на третьем месте в городе по успеваемости! В итоге мы лишились спонсоров, лишились работников, новые сотрудники не очень стремятся идти к нам, хотя зарплата достойная, выше, чем в соседних школах! Если увеличим успеваемость, возможно, мы сможем добиться гранта или увеличения финансирования, в любом случае, перспектива, как говорится, не ясна и туманна. Жаль, конечно, что вы застали нашу школу в таком состоянии...

Директор погрузилась и снова уставилась в бумаги.

– Вы это бросьте, – начал ободрять директора Сергей Анатольевич, – нам ещё с вами работать! Конечно, если вы не шутили по поводу достойной зарплаты.

– Да нет, какие тут шутки, – вздохнула Раиса Ивановна. – Грант от министерства – наш единственный шанс заново отстроить школу, а для этого наша школа должна стать лучшей в районе! Задача не невозможная, но трудно выполнимая, в виду ранее названных причин. Поэтому, если вы согласны на такую зарплату...

Директор взяла один из бесконечного множества листочков бумаге у неё на столе, и что-то на нём написала.

– Ну, что скажите? – обратилась она к Вульфу, повернув листочек с суммой к нему.

Повисла тишина, Сергей Анатольевич тщательно обдумал над своим решением.

– Вы знаете, – начал он, – я, в принципе, неплохо знаю и математику, ведь всё-таки, как-никак, это родственные науки. Так уж и быть, я соглашусь на вторую ставку. Если всё уж совсем плохо, то я могу преподавать химию, астрономию...

– Нет у нас курса астрономии, – отрицательно покачала головой Раиса Ивановна.

– Напрасно, – нахмурился Вульф, – очень важный предмет. Раз такое дело, я сам лично готов буду его вести. За ставку, разумеется...

– Значит, вы согласны устроиться к нам учителем физики? – спросила директор.

Сергей Анатольевич закатил в глаза, что-то рассчитывая в голове, а затем утвердительно кивнул:

– Согласен, когда приступать?

– Приходите завтра, также, часам к десяти, – ответила Раиса Ивановна, – у нас состоится собрание перед учебным годом. Там как раз будут присутствовать старые учителя и новые, которых мы недавно приняли на работу. Познакомитесь с коллективом, а заодно, я расскажу вам о ваших обязанностях до начала учебного года. Школу будет необходимо привести в порядок, поэтому, частично эта работа будет переложена на вас. Работа, к сожалению, неоплачиваемая, всё по личной инициативе, ведь устроить мы вас сможем только с первого сентября.

Но ничего, считайте это ещё одной частью вступительного экзамена. Так... Ну, вроде всё, ещё вопросы какие-нибудь есть?

– Нет, всё в порядке, меня всё устраивает. Надеюсь на дальнейшее сотрудничество. Единственное, о чём я жалею, так это о том, что сразу не пошёл к вам. Особенно мне приятно, что вы не относитесь с предрассудками к людям, которые лысеют?

– О чём вы? – непонимающе спросила директор.

– В смысле? – не понял Вульф, – Разве вам не звонила Инесса Павловна? Она пообещала, что порекомендует меня вам, но я уверен, что она не удержалась, и рассказала вам о моём недуге, точно так же, как до этого ей рассказал Николай Степанович.

– Так вы лысеете? – лицо Раисы Ивановны сморщилось ещё сильнее, она отодвинула стул подальше от Вульфа.

– Подождите, так вы не знали? – ошарашено спросил Сергей Анатольевич, начиная интенсивно покрываться испариной от полученного стресса. – Ну, вот за что мне это?! Нигде мне не рады!

Сергей Анатольевич начал глубоко дышать, директор тоже принялась восстанавливать дыхание после пережитого стресса.

– Ладно, мы оба погорячились, – наконец прервала молчание она. – В конечном итоге, всегда есть пересадка волос, или можно брить голову, в конце то концов!

– Вот-вот, – физик закивал головой, прешмыгивая носом – я тоже об этом всем говорю, но вы первая, кто послушал!

– Думаю, мы что-нибудь придумаем, а пока... Пока же у вас ничего нет?

Вульф наклонил голову, демонстрируя волосы на темечке.

– Вот и чудно! Просто отложим этот вопрос, пока он не начнёт назревать. У нас сейчас есть более важные дела, нам ещё школу восстанавливать!

– Хорошо, тогда я пошёл морально готовиться к встрече с новым коллективом.

– Как скажете. Если уж действительно собираетесь готовиться, то, может быть... – Раиса Ивановна провела руками по своему жилету. – Быть может, вы всё-таки погладите свою рубашку?

– Не знаю... – уклончиво ответил Вульф, оценивающе рассматривая рубашку. – Но не переживайте, я наверняка что-нибудь придумаю.

– Договорились, – кивнула директор, – в таком случае, до завтра. Помните, где выход?

– Разумеется, – подтвердил Сергей Анатольевич, – по коридору, до актового зала, в актовом зале третье окно справа.

– Странно, – удивилась пожилой педагог, – утром, когда я поднималась, лестница была в кабинете литературы. Может дети снова играют? Они иногда любят переставлять лестницу, потом ходишь по всем кабинетам, ищешь, ну, или на вахту звонишь.

– Надеюсь, они не начнут играть в свою игру, пока я буду по ней спускаться, – пожелал сам себе Вульф, – всего доброго.

– До свидания.

Воодушевлённый и окрылённый тем, что он таки с третьей попытки смог найти работу, да ещё и хорошо оплачиваемую, Вульф прошагал до актового зала, и обнаружил лестницу ровно там, где её и оставил.

Высунув в окно голову, и оглядевшись, Сергей Анатольевич ещё пару минут подождал возле спуска – прислушивался. Детских голосов, оповещающих о том, что опасность близко, он не услышал, поэтому, приступил к спускоподъемным операциям. Убедившись, что он крепко стоит на земле, Вульф отправился на стоянку. Пока начинающий педагог отсутствовал, а это всего около двадцати минут, кто-то уже успел засунуть рекламный флаер под дворники. Достав лист бумаги из-под стеклоочистителей, Сергей Анатольевич скомкал его, и выкинул в стоящую неподалёку мусорку.

Сев на водительское сиденье, он достал телефон и набрал свою сестру.

– Только не говори, что тебя и здесь продинамили, – мрачно поприветствовала брата Серова. – Я не хочу пить третий день подряд за упокой.

– Придётся, – радостно ответил Вульф, – меня взяли на работу!

– Мой дорогой брат, я уже начинаю опасаться за твоё здоровье. Такими темпами ты скорее посадишь печень, чем выпустишь свой первый класс.

– О, не переживай, – безразлично ответил Сергей Анатольевич, – такие частые посиделки у нас только лишь потому, что неделя для меня выдалась действительно очень стрессовой. Вспомни, разве раньше такое было?

– Один раз, – после некой паузы ответила Светлана Юрьевна, – когда мама умерла.

– Вот именно! Стрессовая ситуация! О чём я и говорю. Не переживай, никаких больше стрессов, с сегодняшнего дня будут лишь позитивные моменты, которыми я буду делиться с тобой каждый пятничный вечер.

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, – скептически раздалось в трубке, – ты даже не провёл ещё ни одного занятия наедине с детьми, а уже говоришь, что всё будет в порядке. Эти маленькие сволочи, действительно, могут достать кого угодно!

– Всё будет в порядке! Я же власть, авторитет! Всегда можно им пригрозить им двойкой или исключением.

– Я рада, что у тебя всё схвачено, но всё-таки, советую не злоупотреблять со спиртным. А то так ещё окажется, что мы и завтра встречаемся, а потом, как это ни ВНЕЗАПНО, пятница!

– Разумеется, мы встречаемся завтра! Как-никак, завтра мой первый рабочий день. Он вообще-то не очень рабочий, так как работать мы начинаем с первого сентября, но я встречу свой новый коллектив! Множество новых лиц! Разумеется, я захочу это обсудить с тобой.

– Ты точно уверен в этом? Тебе следует беречь себя.

– Расслабься, ты же знаешь, что у меня высокая толерантность к алкоголю, он не влияет на меня почти! В смысле, я не пьянею, не страдаю с похмелья, всё в порядке! Кроме мерзкого привкуса во рту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.